

РАССКАЗЫ

"RUSSIAN LIFE"
2458 SUTTER ST.
San Francisco 15, Calif.
Editor: WALNUT 1-5381.
Office: WALNUT 1-5380.

RUSSIAN LIFE

Daily Morning News except
Sunday, Monday & Holidays
Entered as second class matter
Aug. 5, 1925, at the Post Office
at San Francisco, Calif. under
the Act of March 3, 1879.

OL. XXXI.

№ 3176.

Суббота, 7-го августа 1954 года.

AUGUST 7 1954.

COPY 15 C.

А. П. ЧЕХОВ

(1904 — 1954 г. г.)

2/15 июля 1904 года: день смерти Антона Павловича Чехова.

Ровно полвека тому назад, в тихий час рассвета, вдали от родины спокойно отошел в другой мир нежный и скорбный поэт. И его жена, О. Л. Книппер - Чехова, единственная свидетельница кончины писателя, вспоминала, что «странную тишину нарушала тогда только, как вихрь, ворвавшись черная бабочка, которая мучительно металась по комнате».

Как быстро летит время. Даю ли Чехов был среди нас и я, мальчишка - ученик, встречал его на ялтинской набережной? Вот вот, прошло долгих полвека, как его уже нет. И умер он в ту пору, когда жизнь развернулась перед ним в наибольшей полноте, когда его редкий чарующий талант писателя - художника распустился ярким цветом и сделался наиболее чутким к восприятию правды.

Надо помнить, в какую пору писал Чехов: это были 80-90 годы прошлого века, когда читатель требовал от писателя не только творчество, а, главным образом, ответов на вопросы общечеловеческие. Но Чехов остался самим собою: верный тайникам своей совести, художественной правде, чернявшей от народной правды. И потому он — писатель национальный, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Шмелев... Он не отрывался на «злобу дня сего»: он созерцал глубины жизни, вечные глубины. Его творчество, захватывая содержанием, пленяло образностью и мастерством, — почти всегда глубоко и серьезно. И основное в нем — глубокие вопросы: о Боге, о смысле жизни, о бытии, о зле (как грехе), о счастье.

Все эти вопросы особенно близки русской душе. Русский человек, как бы он ни был духовно ограничен, всегда таит их в душе, любит об этом слушать и говорить. Эти вопросы, тайны, — его прирожденная основа. И она питает русскую национальную литературу, снаивает ее с народной правдой.

Этим творчество Чехова связано с душой народа. И потому то он свой... Но зато он мало понятен иностранцам. Читают его, но он не «захватывает» их, как Достоевский или Толстой. А, между тем, Чехов стоит на той же большой дороге русской литературы, первоисточником которой является духовная сущность русского: душа русская.

Слишком рано умер Чехов, не успев досказать всего, чем была полна богатая душа его. Но он — огромный, стихийный, художественная сила, к сожалению, в целом способная на уплытые ноты. И все таки он не был песенником, а только находился во власти действительности или обиды, которую изображал с неподражаемым художественным мастерством. Власть эта незаметная, часто невидимая, неуловимая, но всегда в той или другой степени неустрашимая, цепкая и липкая, — с торжеством пошлости, мелочности, жестокой бессмысленности, тупой скуки и безнадежной тоски.

И все-же Чехов — поэт сумерок, но не безнадежной тоски.

Но он всегда, среди гора и пошлости, умел находить прекрасное; верил в него и знал к нему, хотя ждал в годы болезненного перелома в русском обществе.

Большой, первый и чуткий к каждому проявлению обывательской пошлости, он верил, что придет другое время, лягут другие люди, — наступит светлое будущее. Он верил в наступление тех светлых дней, о которых восторженно говорит Соня в «Дяде Ване»: «Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах; мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, — и тогда наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как ласка».

Изображал тогдашнюю русскую действительность с точки зрения власти обывательщины, окрашивая ее своим, чисто чеховским настроением безусловного отрицания действительности ввиду высшего, недостижимого великого идеала, — Чехов рисует свои картины, как истинный художник, со всей полнотой, разнообразием и тонкостью деталей.

Среди чеховских персонажей есть все степени власти обывательщины. Есть урожденные рабы; есть побежденные, разбитые борцы; есть борцы еще не сдавшиеся. Но только нет победителей! Здесь возможна борьба для тех, кому несомненно властное иго действительности, но нет надежды на победу. Вторую большую группу чеховских героев — составляют сознательно равнодушные. Эти предаются высокому, но бессильного правительственного бога идеализма, в грязные руки житейской пошлости и обывательщины; от пресыщающейся порой совести они отделяются бездушной, все осмеивающей иронией, пошлой шуткой или цинизмом. Наконец, третью группу составляют люди недовольные действительностью, с пассивным или активным протестом против гнетущей их власти действительности. Эти люди томится среди пошлой обывательщины; они скучают житейскими буднями и мучительно тоскуют о другой жизни, — «светлой, прекрасной и изящной», — но как пройти к ней, какая дорога ведет к желанному выходу, — они не знают.

На практике большинство людей живут, не заботясь о сознательной постановке жизни: не отдавая себе отчета ни в цели своего существования, ни в мотивах своего поведения. Человек живет, как живет, не задумываясь над тем, так ли поступает, как следует. И эта бессознательная жизнь служит для многих условием полного их счастья и, по крайней мере, их полного спокойствия, — и многих удовлетворяет. Но, кто действительно достиг названия человека, ни

когда не удовлетворится этим бессознательным, чисто животным счастьем и предпочтет страдания познанию этому блаженству невежества.

И вот для того, чтобы вывести из такого состояния неведения, из состояния спокойствия, — обуславливаемого отсутствием мысли, отсутствием истинного понимания явлений жизни, — для того, чтобы пробудить мысль и направить ее работу на рассмотрение и на оценку явлений действительной жизни, чтобы заставить сознательно относиться к этим явлениям, — и нужен именно такой писатель, как А. П. Чехов. Раскрывая с полной безошибочностью значение разных явлений, он учит сознательному отношению к ним; он заставляет вырабатывать себе то или другое мировоззрение, а отсюда и системе нравственного поведения.

Велика заслуга Чехова, который не побоялся отнестись критически ко всему, из чего складывается человеческая жизнь. Но он при этом не ограничился изображением только отрицательных типов русской жизни, представив и положительные типы. Ибо нельзя себе представить такого общества, такой жизни, в которой не было бы и положительных типов. Без них и жизнь была бы невозможна и общество плыло бы к естественной смерти... Таких типов у Чехова целая галерея, но для примера ограничимся одним: земский доктор Астров в пьесе «Дядя Ваня».

2.

Прошли многие годы. Полвека прошло, но тихая скорбь, которая охватывает душу при воспоминании о Чехове, не исчезает с годами. Она нераздельна с нами, особенно в нынешнее страшное время, — скорбь чистая, ясная... И, когда снова прочитываем дорогие строки Чеховских сборников, кажется, веет от них ароматом засохшего цветка, в завядших лепестках которого так много дорогих

воспоминаний, вызывающих тихую скорбь.

Чехов пошел тургеневскими путями, но продолжил их глубже и шире. Он взял от Тургенева его прекрасную, изящную форму созерцания жизни, но сделал ее богаче и многостороннее. Своими вдумчивыми, печальными глазами всматривался Чехов в темную сумеречную жизнь, где было столько поводов для горя и печали. Но, творя и создавая, оставался самым собою и говорил правду, как она казалась его душе.

Он совершил громадную работу, и один дал нам бесконечно разнообразную картину жизни России конца прошлого столетия. В центре этой работы стоит умирающее дворянство старого закала. Оно тихо сходило со сцены благородное, красивое, со слезами обрывающееся белый цвет вишневого сада... А в него входит новая, более пестрая жизнь новых людей, — работников, без жалости срывающих вековые насаждения.

Чехов, чуждый романтизма и приукрашивания, стоял к жизни, к подлинной жизни, ближе, чем вся литература, которая при нем родилась: литература демократического романтизма, «литература обнажения». При этом он ни на минуту не уклонился от своей образной прелести и красоты своего самобытного романтизма и не переходил, подобно М. Горькому, к фальшивому проповедничеству.

Постоянно достоин внимания и путь пройденный Чеховым: путь от радостного, молодого, сверкающего смеха, до щемящей грусти и тоски неумолимой. Его чудный талант, крепкими нитями приобщивший нас к его молодому смеху, — позже приобщил нас и к его глубокой печали и к его тоске о лучшем, прекрасном будущем... С годами, на жизнерадостный дух Чехова падала мрачная тень. И после первых произведений, сверкающих неудержимым смехом — «Сказки Мельomeny», «Пестрые рассказы» и другие — появился ряд произ-

ведений, носящих весьма характерное название: «В сумерках», «Амурные люди» и другие.

В этот второй период писательства, Чехов взглянул глубоко, в самые глаза жизни, все более и более раскрывался мыслитель - идеалист, прекрасно создающий всю безпросветность некоторых уголков русской жизни и мучительно тоскующий о лучшем будущем.

Чехов почти всецело посвятил себя беллетристике. Но все же и русскому театру подарил он ряд прекрасных пьес. И, говоря о них, нельзя отделить Чехова от имени московского Художественного театра, символом которого стала его «Чайка». Именно этот театр первый понял истинный дух драматических созданий Чехова. И, проникновенно поняв душу этих пьес, Художественный театр дал ряд законченных драматических воплощений, внеся огромный вклад в сокровищницу русского драматического искусства. Поэтому и образ А. П. Чехова, как драматического писателя, представляется всегда окруженным рядом образов, воплощенных артистами Художественного театра.

Рано, очень рано, и неожиданно жестокая смерть унесла Антона Павловича Чехова из рядов первоклассных русских писателей. И уже полвека спит он вечным сном под землей Новодевичьего монастыря. Но все мы помнят и будут его вспоминать все чаще и чаще. Больше и больше будут открывать благоухание чеховского таланта, как писателя-идеалиста, искателя Правды, которая в наше время — и на русской земле в особенности — далеко отошла от живущих людей. Отошла, но... не навеки исчезла!

И поэтому скорбная тень писателя, отдавшего душу свою печали и тоске родной земли, — долго будет носиться перед нами, окруженная светлым ореолом редкого таланта, для которого не существует смерти.

Вл. Маевский.